Здравствуйте, уважаемый Александр!

От давнего приятеля еще по школьным годам в довоенном Могилеве Михаила Шульмана получил Ваше обращение и анкету. Проект привлекательный. Попробую оказать посильную помощь ответами на часть поставленных вопросов

Я, Фейгин, Меер Гиршевич. Родился в г. Могилеве 16 апреля 1922 г. Папа, Фейгин Гирш Лейзерович из среды ремесленников. После первой мировой войны осел в Могилеве (служил солдатом, был ранен на фронте), женился. Работал в артели кожевников, потом на строительстве ус. д. моста через Днепр (ниже и ныне), окончил курсы счетоводов и до конца жизни работал бухгалтером. Последнее место работы на хлебокомбинате. Мама Фейгина (в девичестве Шифрина) Мария Яковлевна с начала 30х г.г. работала машинисткой на предприятиях (шелковая ф-ка, мясокомбинат), последнее время – парикмахерская. Религиозными на моей памяти не были. Пока были живы в общей семье родители мама соблюдала некоторые еврейские традиции – пейсах, мацаон. От еврейства не отказывались, сопричастность к нему жили без сомнений. В семье было двое детей. Сестра 1926 г. рождения Ася Григорьевна Батунер (по мужу) с 1994 г. живет в Израиле, куда еще в 90 г. переехал сын, а в 2000 г. – дочь.

Могилев до войны был для нас самым чудным городом. Жило в нем тогда около 100 тыс. человек. Зеленый, тихий и спокойный. Начало пятилеток и индустриализации внесло и оставило свой аромат навсегда в районе шелковой фабрики, кожевенного и кожеобрабатывающих заводов (последний теперь наз. клеевым). Тогда, в 30х г.г. это была окраина, за чертой города. Средствами передвижения были автобусные маршруты. Один от т.н. Вала (ныне парк Горького) до вокзала, два других от Луполовского моста до шелковой ф-ки и еще до автозавода (потом з-д дорожных машин им транспортного оборудования). От придачного моста еще курсировал катер до шелковой фабрики. Очень популярен был городской сад, называвшийся Валом. В нем был расположен Летний театр, который был уничтожен во время войны. Незадолго до войны открылся второй кинотеатр на Ленинской ул, напротив Комсомольского скверика. Сквер создавался в начале 30х г.г. на месте бывшего базара. На месте, где ныне Дом правительства и большая площадь в начале 30х находилось здание тюрьмы. Окна ее закрыты щитами, глядели на Первомайскую. Дом правительства строился из расчета переноса столицы из Минска, который до 39 г. был вблизи границы с Польшей.

В памяти довоенный Могилев остался еврейскими городами. Много этому способствовал круг нашего общения. Но вот у меня сохранилась групповая фотография моего 4 класса „А" 1ой школы (1934 г.): нас 35 учеников, из них 29 чел. еврейские дети.

Помню фамилии первых секретарей горкома партии в Могилеве: 39-40 г.г. Шуб, 40-41 г.г. Хавкин. Слышал, что он погиб в немецком концлагере. Перед войной председателем Горсовета был Астров. Слышал, что он был схвачен немцами при попытке выбраться из города и повешен. Знаю что в числе делегатов 17 съезда партии была Аронова (ее сын Гриша учился в одном классе со мной). Дальнейшая судьба ее неизвестна мне: они куда-то уехали. Работала она в то время на шелковой ф-ке.

О еврейских организациях, клубах, обществах никогда не слышал. Наверное в 30х г.г. их не было. В это время помнится в городе были две еврейские школы. Одна, №3 была на Ленинской улице. Здание сохранилось. На нем имелась мемориальная доска

в память учившегося в этом здании академика О.Ю.Шмидта, одного из первых Героев СССР, полярного исследователя. Еще одна еврейская школа функционировала на Луполове, так назывался район города на низком левом берегу Днепра за единственным в то время мостом через Днепр. Она была расположена недалеко от того места, где сейчас стоит здание райсовета. Популярностью эти школы среди евреев не пользовались и окончили свое существование незадолго в середине 30х. Могу назвать одну ученицу школы №3 - Эберман Геня. (Помню ее, т.к. она подруга моей жены). Перед войной Геня окончила мединститут, во время войны фронтовой врач, после войны жила и работала в Ленинграде. В конце 80х уехала в Израиль.

О синагогах. Хорошо помню синагогу на Луполове, куда меня брал с собой дедушка. Это кирпичное двухэтажное здание на Пушкинской улице (правая сторона, если идти от моста). После закрытия синагоги до войны располагалась пожарная часть. (После, как сейчас точно). Еще была синагога, впоследствие превращенная в клуб цветников. Это на ленинской ул между комсомольской ул. и пожарным переулком. На этой же стороне расположено здание Пединститута. Помню как-то разговор, что и в здании пединститута была синагога. Обратите внимание на фасад здания. Там сохранились буквы идиш или иврита над окнами 2 или 3 этажа и еще какие-то знаки.

Думаю, что все мои ровесники подвергались обряду обрезания. Полагаю, что это было нормой для новорожденных еврейских мальчиков до конца 30х, хотя не могу сказать где и кем это совершалось. Афишированию у нас не подлежало но часто в разговоре родителей звучало слово „а бриз" (на идиш-обряд обрезания) при рождении сыновей в семьях евреев.

Восприятие советской власти еврейской диаспорой до войны, по-моему, было полностью позитивным. Под термином „советская власть" имею ввиду официальные законы, трудовые отношения, образование, здравоохранение. Все негативное, что пришло в войну и после к этому не относится. Примеры. Все знакомые мне юноши и девушки из еврейских семей, как правило, при желании поступали и учились в высших учебных заведениях - технических, гуманитарных, медицинских и т.п. Не возникало проблем с устройством на работу. Назову семью моей жены. Глава - Никинази Симон Давидович, портной. Мать Марголина (в девичестве) Хуна Гевелевна из семьи кузнеца, он работал в собственной кузне на Виленской за Днепровенкой. В семье было три дочери. Старшая - Софья стала инженером-энергетиком, работала в Белорусснефтеснабе, средняя - Эсфирь стала педагогом, директором школы в Куйбышеве, младшая Хана, моя жена, с которой вом в один год окончила Мединститут в 45г и в течение 43 лет проработала врачом-рентгенологом в Ленинграде. Еврейские проблемы обозначились после войны. Возникла и стала окостеневать, как потом говорили „система." Это уже была не советская власть.

Из представителей еврейской интеллигенции в довоенном Могилеве запомнились мои педагоги по 1ой школе. Преподаватель математики Акселброд З.М. Несмотря на абсолютную невозможность и строгий педантизм в процессе обучения, был прекрасным учителем и пользовался большим уважением учащихся

Голубина Ю.Л. вела с 5 по 10 классы ботанику, зоологию, химию. Был преподавателем физкультуры Тудфелед Л.Я., сам неплохой гимнаст. Один год преподавала биологию Эстрина. Директором школы с 37 или 38 г. была Цукерман Ц.А. Она же вела историю в старших классах. На мой взгляд это были лучшие преподаватели школы, которые оставили по себе память на всю жизнь, как и преподаватели русского языка Преображенская Л.Ф. физики - Атневич, рисования и черчения Берозин В.И. Помнятся фамилии семейных врачей (по образованию они вероятно были фельдшера) Туревич М.Л., Абелкин, Поповецкий, Кантор. Это были обрусевшие Израильтяне.

Вспоминаю, что еврей-могилевчанин был в числе 26 бакинских комиссаров. (Фамилию точно не помню, м.б. Зевин.) На здании школы ФЗО (после войны ремесленные училища) была мемориальная доска. Это здание находится на улице, расположенной вблизи Быховского базара, в районе церквушки с арко-синими луковицами куполов. (Если ехать автобусом к мосту через Дубровенку, то церквушка над левым углом базарной площади. Так было еще 12 лет назад, в 1991 г.). Название улиц, к сожалению, не помню.

Вопросов взаимоотношения нееврейев с евреями в среде сверстников не возникало. Вспоминая свой улицы, где мы жили, это около 20 одноэтажных деревянных домов на обе стороны с примерно равным числом еврейских и нееврейских семей, то они были добрососедскими.

О приближении войны в Могилеве знали не только евреи. В начале июня 41 г. мама в письме мне писала, что в городе тревожная обстановка: ждут начала войны. Начало войны застало меня курсантом военного училища в Ленинграде. С мая м-ца мы уже были в лагерях за Красным Селом. По тревоге покинули лагерь и укрылись в лесном массиве неподалеку от населенного пункта Ропша. Там проходили чуть больше м-ца прерванные учебные занятия с бросками по тревоге к местам предполагаемых выбросов немецких парашютных десантов. В августе училища выступили досрочно куда и начали эвакуироваться. Мое подразделение было оставлено в распоряжение Ленинградского фронта, с которым мне довелось пройти всю войну.

После освобождения Белоруссии в город я попал впервые в сентябре 46 года. От кино Вся сторона Первомайской улицы до площади перед зданием сада была разрушена, выделялись стены разрушенной церкви, что против Дуб бывш магара. Не было здания Дома пионеров (бывший губернаторский дворец), рядом стоящего 2х или 3х этажного здания типографии, бывшего жилого дома между Ленинской и Первомайской улицами. Дом Красной Армии (угол Ленинской) а правее его жилые дома и городская каланча стояли. Каланчу позже снесли. Сам она не уродила — понять сложно. С другой стороны площади уцелели одно (точно) или два здания, в которых перед войной (кажется с 38 г.) располагалось пехотное училище. Деревья городского сада были срублены. Заднепровская часть - Луполово по Пушкинской по обе стороны была пустырем. По левой стороне сохранились стены церкви от района церкви дома по правой стороне сохранились. Некоторые строения сохранились за бывшим базаром.

В Могилеве погибли мамин брат и муж сестры (Шифрин С. и Лифанд Л.), в Быхове погибла мамина сестра Ёха и ее муж Брилон Н. Родители мои и сестра эвакуировались из Могилева во вторую декаду июля: папа боялся оставить работу, как он мне рассказывал.

О том, что евреи не воюют мне никто не мог сказать: всю войну прошел офицером в действующей армии. Сестра рассказывала, что такие разговоры в эвакуации (Узбекистан) ей приходилось слышать. Когда она „агитаторшей" работала, что брат на Ленинградском фронте, то пыталась загладить унижением. Припоминаю разговор с командиром батальона об одном командире взвода. В целом он неплохой командир, но как еврей не может отличаться по подчиненного. Я в шутливом тоне заметил, что он оскорбляет мое национальное достоинство. Мой собеседник удивился — разве ты еврей, а я и не знал. Явных завалов против евреев я не встречал до конца войны. Это относится к среде, в которой я служил.

Приведу имена моих одноклассников 1922-1923 гг. рождения не вернувшихся с войны: Г. Аронзон, Г. Гольдман, З. Гутман, М. Гевлин, Х. Плоткин, Я. Лившиц, Р. Бородицкий, Б. Нидашевский, Б. Эберман, Ю. Либстер, Я. Мерсон, Н. Грабовщинер — окончили школу в 1940 г, в 38 и 39 г.г. окончили школу и погибли в боях: Г. Гуревич, Я. Лебский, М. Стрембицин, С. Шарф и многие другие. Все это еврейские ребята. Не все имена занесены на мемориальную доску в 1-ой школе, где мы учились.

О своем жизненном пути. Учился в 1-ой средней школе, что на Первомайской ул с 1930 по 1940 г. Школа считалась белорусской, были две школы русские в городе. Программы их ничем не разнились. В сентябре 1940 г. поступил в Ленинграде в училище инструментальной разведки зенитной артиллерии. В августе 41 г досрочно выпущен лейтенантом и всю войну прошел в частях ПВО Ленфронта, в 45-46 г.г. обучался в Высшей офицерской школе ПВО Красной Армии и до конца 1959 г. продолжал службу в частях ЛВО. В 1955 г. демобилизован с должности заместителя начальника штаба полка в звании майора. После демобилизации работал в одном из КБ Ленинградского Машиностроительного з-да. С 1956 по 1962 г. одновременно учился на вечернем отделении Ленинградского политехнического института получил диплом инженера-электрика. В КБ проработал до 1986 г. в должностях от техника-конструктора до ведущего конструктора и начальника электротехнического отдела. В 1986 г. при реорганизации был сокращен (причина-возраст) и до 1991 г. работал ведущим конструктором в проектной энергетической организации. Устроился по знакомству и большой надобности в моей специальности. Возможности профессионального (должностного) роста судя по моему послужному списку во время службы в армии и после не отрицаю. Дело шло в том, что непосредственное начальство главным образом руководилось в непосредственном ходе деятельности подчиненного. От этого зависело и их благополучие. Национальная порядочность способствовала объективности. В случаях различных реорганизаций для евреев наступали сложности и проблемы. Во время службы в армии 5 или 6 раз пытался поступить в академию. Всякий раз после успешной сдачи экзаменов дело заканчивалось непротивированным отказом т.н. мандатных комиссий. Позже мне стало известно, что главным в них было мнение представителя академии, которыми всегда были работники политорганов. Руководящая роль партии действовала. Знаю, что в числе проходивших отбор были люди не превосходившие меня ни знаниями, ни службой. Понял, что всему виной, как говорили, 5-ый пункт.

Из эпизодов службы и работы наиболее памятны до сих пор начало блокады Л-да, когда за нашими позициями стало зарево над горящим после бомбежек городом, до сих пор стоят перед глазами машины в которых навалом лежали трупы умерших от голода и холода жителей блокадного Ленинграда. С декабря 41 г. по июнь или июль в самом городе не бывал.

Запечатлелось в памяти и начало наступления по снятию блокады в январе 44 г. Довелось войти в те места откуда ушли в 41 г. Во время "гражданской деятельности" принимал участие в разработке и испытаниях различных узлов оборудования для Балаковской АЭС, Воронежской АЭС, АЭС для Чехословакии, стендовых опытных установок для ИАЭ им. Курчатова. Интересно было участие в испытаниях пусковых установок для баллистических ракет. Эти работы оплачивались достаточно высоко, под них выделялись квартиры, путевки в ведомственные санатории от привилегированных профсоюзов. Были и знаки по некоторым министерствам ВПК.

Обязательность членства в партии видимо существовала в более высоких эшелонах руководства во всех областях советской действительности. Для ИТР, людей умственного труда с начала 60х (может, чуть раньше) были ограничения по приему в партию, т.к. соблюдался процент пролетарского для рабочих.

Для людей моего поколения вера в справедливость советской власти и идей ВКП(б)-КПСС до конца 40х г.г. была абсолютной. Мы были воспитаны на этом. Иную мы не знали и не видели. О жизни за рубежом могли судить по информации в нашей печати. Контакты с евреями-беженцами из Польши (Зап. Белоруссия) в конце 39 г. изменения на мировоззрение не оказали: они спасались от фашизма у нас. Евреи в абсолютном большинстве были законопослушными гражданами, многие активно участвовали в общественной деятельности на благо укрепления и поддержания власти. Начиналось это с пионерской организации. К слову активнейшими и авторитетными пионерскими работниками 30х г.г. в Могилеве были евреи Берин, В. Гдалевич, Ю. Меркин, В. Позиков, В. Каган, Л. Альтшулер и др. Первым руководителем Дома пионеров был Астров (однофамилец погибшего председателя Горсовета). Среди учащихся старших классов (начиная с 8го) была большая комсомольская прослойка. Шли в комсомол без принуждения, по убеждению и интересу. В 1940 г. в комсомольской организации 10й школы состояло более 100 учащихся. Лидерами (избранными) с 1936 г. помню еврейских ребят: М. Каганер, С. Шарф, И. Молочникова, М. Фейгин. Аналогичная картина была во 2, 7, 14 школах, на многих предприятиях.

Рост антисемитизма начался после войны. При официальной риторике о братстве народов, интернационализме антисемитизм насаждался партийными органами и государством. Так приходилось на начало 50х особенно 51-53 г.г. Во время сообщения о "деле врачей" я еще был военнослужащим и за спиной иногда приходилось слышать малоприятные в отношении евреев разговоры в неофициальной обстановке. Припоминаю, что вешали они в основном политработниками и, как теперь понятно, не по собственной личной инициативе.

Смерть Сталина большинством была воспринята как горе. Казалось - это неслыханное событие. Помнится моя дочь, ей шел 6 год, спросила: "Папа, а кто теперь будет заботиться о нас, советских детях?!" Идеологической информации для нее было радио и ТВ. Так формировалось тоталитарное сознание. Большинство из нашего поколения стало прозревать после XX съезда.

Наличие родственников за границей по государственному устройству было нежелательным, даже компрометирующим обстоятельством. Обладатели его старались забыть об этом, связь не поддерживалась и конечно никому не афишировали. Двоюродный брат моей мамы еще до первой мировой войны убежал из царской армии в Палестину. Связи с ним мама не имела и в семье никогда не упоминалось. Ни я, ни сестра об этом понятия не имели.

В начале 50-х "беглец" был каким-то образом в Риге и дал знать родным. Известили и папу. Но он не послал встречную. Боялся нанести вред моей "военной карьере". Спустя несколько лет об этом рассказала мне мама. Так всю себя балбесенок берег.

Вопросы перудоустройства евреев с конца 60-х все время усложнялись. Знаю это по Ленинграду. Кто работал давлению не подвергался. В случае же если работающий впервые (ИТР) желал устроиться на вакантное место в другом учреждении, где казалось условия лучше, то без солидной поддержки это было безнадежно. По объявлению "требуются на работу..." никогда не принимали или заведомо предлагали неприемлемые условия, это очень скоро устанавливалось заходом для разговора другого человека. 5 пунктов в паспорте был другой.

Сообщение о "Деле врачей" легло на плечи евреев тяжелым грузом. Каждый таил эти перезвания в себе. Ощущение давнешнего развития светлого будущего не сулило: было много разговоров о составлении списков евреев по учреждениям. Насколько это действительно не знаю. Сообщение о закрытии "Дела врачей" дало облегчение, но настороженность к окружающему осталась.

По вопросам Вашей анкеты хорошо бы пообщаться Вам с моей бывшей одноклассницей Ниной Дахиной (по мужу Котлярова Н.Н.). После войны она стала журналисткой и работала до пенсии в редакции могилевской областной газеты. Телефон не 259-071, адрес Ленинская ул. дом 45 кв. 42. (Рядом кинотеатр и довоенный т.н. "Дом чудного"). Не знаю здравствует ли Изя Тиркельбаум, сестры моего одноклассника М. Певзина, которые после войны эмигрировали как будто в "Дом Ленина" (Первомайская ул., рядом с 1-ой школой).

Я с женой и старшей дочерью приехали в США в сентябре 1991 г. из Ленинграда. Наш отъезд стимулирован был настоятельным требованием младшей дочери, которая с мужем и дочерью уехали в США через Вену и Рим летом 1989 г. по израильскому вызову. В Чикаго очутились через три месяца после отъезда из Л-да.

В настоящее время в Чикаго старшая дочь Алла, 1947 г. рождения работает в Университетской библиотеке, младшая Елена, 1956 г. рождения, работает дантистом по контракту в военном госпитале. Пришлось 3 года проучиться в Университете, чтоб получить американский диплом врача, т.к. советские врачебные дипломы здесь не признаются. Внук Елены, Александр, 1956 г.р. работает инженером в энергетической компании. Внучка Симона, 1981 г. рождения сейчас учится на 1 курсе медицинского факультета (по местному это называется медицинская школа) университета. Вхождение в новую действительность для нее было непростым. Проучившись 2 года в Ленинграде она закончила только среднюю школу. Но через 2 года она полностью акклиматизировалась. Взрослым это далось сложнее. Я, жена и Алла так и не удалось избавиться разговорным языком и на слух воспринимается речь наблюдаемо. Все члены нашей семьи после 5 лет проживания в США стали гражданами. Я и жена получаем федеральное пособие по возрасту.

Желаю успеха в Вашем благородном деле. С уважением, Фейгин

P.S. Знаю, что собираетесь отвезти на Вашу анкету еще несколько бывших могилевчан. Имею опыт, что письма в Могилев не доходят адресатам. Не сочтите за труд позвонить о получении моего письма и других из Чикаго в Могилеве по телефону 264-191 Ольге Михайловне Башмановой (Хальпукова). Мы с ней перезваниваемся. Ближайший мой звонок 8 марта.

21.2.03.

М. Фейгин.